

«У КАЖДОГО ИЗ НАС ЕСТЬ ПОЛЮС СВОЙ...»

ИНТЕРВЬЮ С ДИРЕКТОРОМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ АРКТИКИ И АНТАРКТИКИ,
ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ПОЛЯРНОЙ КОМИССИИ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
ВИКТОРОМ БОЯРСКИМ

Виктор Ильич, вы директор самого полярного музея в России, обладатель титула «самый полярный петербуржец», человек, побывавший на Северном полюсе более 50 раз. Что для Вас означает понятие полюс?

Одно из моих стихотворений, написанное на борту самолета ИЛ-18 – летающей геофизической лаборатории, во время полета к Южному полюсу, начинается, как мне кажется, с ответа на Ваш вопрос:

«У каждого из нас есть Полюс свой,
И каждый выбирает сам дорогу,
Возможностей так мало и так много
Распорядиться собственной судьбой...»

Для меня Полюс – это прежде всего выбор – выбор своего пути, своей цели в жизни, причем значимой цели, достижение которой означает не только и не столько пополнение твоих собственных личных заслуг, отвечает интересам не только твоего ближайшего окружения, но и интересам как можно большего числа людей, помогает им открыть для себя неизвестный им ранее и недоступный мир, обогащает их новыми знаниями и, возможно, способствует выбору их собственного пути и собственного полюса.

Мне здорово повезло в жизни. Мне не пришлось прикладывать значительных усилий, чтобы распорядиться собственной судьбой, она (судьба)

В январе 2012 г. Российский государственный музей Арктики и Антарктики отметит 75 лет со дня своего открытия.

Музей был создан Постановлением Президиума ЦИК СССР осенью 1930 г. и вошел в структуру Всесоюзного арктического института на правах отдела. Первым заведующим музеем был в 1930–1933 гг. известный полярный исследователь и художник Н.И.Пинегин. В 1933 г. ВАИ в аренду было передано здание бывшей Никольской единоверческой церкви на улице Марата, построенное в 1820–1838 гг. по проекту архитектора А.И.Мельникова. Помещение храма было отремонтировано и приспособлено под музей по проекту архитектора А.В.Сивкова, и 8 января 1937 г. Музей Арктики торжественно открылся для посетителей.

Научная концепция музея формировалась с участием ведущих сотрудников ВАИ В.Ю.Визе, С.В.Обручева, Р.Л.Самойловича, М.М.Ермолаева, А.Ф.Лактионова, К.А.Салищева, Л.Л.Балакшина, Я.Я.Гаккеля и др. Художественное оформление музея было выполнено известными художниками М.Г.Платуновым, И.Я.Цепалиным, В.В.Новодворским, Л.К.Богомольцем, М.И.Успенским, А.Х.Торосьяном и др.

В разные годы Музей Арктики (а с 1958 г. – Музей Арктики и Антарктики) возглавляли И.С.Сукоркин, И.М.Суслов, И.К.Якимович, В.Ф.Воронин, Н.Г.Ягодницын, внесшие свой неоценимый вклад в поступательное развитие музея – формирование его фондов, открытие новых экспозиций и выставок, разработку тематических экскурсий и привлечение новых посетителей.

2 февраля 1998 г. Постановлением Правительства Российской Федерации музей получил статус музея федерального подчинения, а также новое название – Российский государственный музей Арктики и Антарктики (РГМАА). С этого времени музей возглавляет В.И.Боярский – известный полярный путешественник, в прошлом – сотрудник ААНИИ, участник ряда арктических и антарктических экспедиций.

сделала это сама, когда привела меня сразу после студенческой скамьи в научно-исследовательский институт Арктики и Антарктики и тем самым определила мой выбор (Полюс) на всю, я надеюсь, оставшуюся жизнь. Моя мечта стать полярником, навеянная рассказами Джека Лондона, воплотилась в жизнь самым что ни на есть реальным образом – более 15 лет я проработал в отделе физики льда и океана ААНИИ, участвуя в Советских антарктических экспедициях и дрейфующих станциях «Северный полюс» выполняя радиофизические исследования снега и льда. Именно в эти счастливые годы и состоялось мое личное знакомство, если можно так выразиться, с полюсами – Северным, Южным и Полюсом холода – станцией Восток, где я отработал два сезона, выполняя исследования возможности создания ледового детектора неуловимых нейтрино.

В конце 1990-х годов, в самый трудный и непредсказуемый период жизни нашей страны, когда научные исследования в Арктике были практически свернуты, а в Антарктике значительно сокращены, судьба вновь сделала мне очень щедрый подарок (к слову, в оценке щедрости этого подарка мое мнение не совсем совпадает с мнением моей семьи, но это совсем другая история), а именно определила меня

«Трансантарктика». 1989–1990 гг.

в состав крупнейшей экспедиции XX века – международной экспедиции «Трансантарктика». Не случись этого, я не знаю, как сложилась бы моя жизнь. Не исключено, что могла бы произойти смена Полюсов, но это случилось, и я стал первым русским человеком, прошедшим вместе с международной командой путешественников на лыжах и собачьих упряжках около 2000 километров сначала через Гренландию с юга на север, а затем и всю Антарктиду. Эта экспедиция была и остается самым значительным событием в моей жизни. Мы пересекли Антарктический материк по самому протяженному маршруту от северной оконечности Антарктического полуострова через Южный полюс и Полюс холода – станцию Восток и финишировали спустя 221 день после старта в районе станции Мирный. Протяженность маршрута составила 6500 километров. Маршрут этой экспедиции нанесен на все современные карты Антарктиды и занесен в книгу рекордов Гиннеса как первое в истории пересечение Антарктиды по самому протяженному маршруту без использования механических средств. Но для меня самым главным итогом моего участия в этом проекте было, безусловно, не это – я вообще отношусь к так называемым рекордам по шкале Гиннеса весьма скептически, хотя бы потому, что это не дает рекордсменам никаких значимых с практической точки зрения привилегий (даже бесплатного проезда на общественном транспорте!). Важным для меня было то, что мне удалось узнать и прочувствовать Антарктиду, что называется, каждой клеточкой кожи, равно как и то, что в составе международной команды, куда входили представители таких стран, как США, Франция, Англия, Япония и Китай, я представлял нашу великую страну и, как оказалось, вполне достойно. Впрочем, я довольно подробно расска-

зал об этой экспедиции в своей книге «Семь месяцев бесконечности».

Понятно, что после такого события все последующие могли бы показаться менее значительными, но тут в мою жизнь вновь и в который раз вмешалась судьба и подарила мне очередной Полюс, который на сегодняшний день является для меня главным, – это Музей Арктики и Антарктики.

В следующем году Музей Арктики и Антарктики, который Вы возглавляете, будет отмечать свое 75-летие. Расскажите, каким образом Вы, для кого оседлый, кабинетный образ жизни, а именно так большинство представляется жизнь директора Музея, неприемлем, все таки стали им?

Да, это интересная история и отнюдь не такая кабинетная, как это может показаться на первый взгляд, в ней было все: и многолетняя борьба за его выживание в тех непростых условиях, и судебные (вплоть до Высшего Арбитражного суда) разборки и конфликт подходов (музейщики – полярники), и многое другое. Итог очевиден – мы встречаем юбилей на подъеме, в полностью отреставрированном здании и с осознанием важнейшего для любого музея чувства – своей востребованности. Но обо всем по порядку. Спустя весьма короткое время после возвращения из Антарктиды, чувствуя настоятельную потребность в занятии любимым делом – организацией экспедиций и участием в них, я с несколькими своими коллегами по Арктическому институту организовали небольшое агентство. Его главной целью должно было стать предложение логистических услуг по организации различных, в том числе международных проектов, таких, как экстремальный туризм, научные и киносьемочные экспедиции в Арктике, которая в те замечательные 1990-е внезапно (увы, на короткое

время) стала территорией относительно открытого доступа для иностранцев, чего не было на протяжении всех предшествовавших десятилетий советской власти. Этим было грех не воспользоваться, тем более что у меня после моей трансантарктической экспедиции появилось множество друзей и знакомых за рубежом, которые были очень рады возможности заглянуть за строжайший железно-ледяной занавес. Но первой организованной нами экспедицией стала экспедиция для американского журнала «National Geographic» по маршруту «Великий шелковый путь». Несмотря на новую для всех нас область (пустыни и средства передвижения – верблюды), мы с задачей справились весьма успешно и, вдохновленные этим, переключились на более знакомый и милый нашему сердцу Север. В 1992 году мы организовали первый в истории коммерческий полет на Северный полюс на вертолетах для группы французских туристов. Затем последовало многолетнее сотрудничество с государственной телевизионной компанией Австрии ORF в организации киносьемочной экспедиции на архипелаге Земля Франца-Иосифа.

Таким образом, уже к 1994 году наша компания достаточно твердо стояла на ногах, и это позволило мне обратиться к руководству Арктического и антарктического института с предложением, «от которого они не смогли отказаться», – взять на себя покрытие большей части расходов по содержанию музея Арктики и Антарктики в обмен на разрешение разместить в стенах музея наш небольшой офис. Предложение было принято, и это неудивительно – содержание музея, который по статусу был научным подразделением института, осуществлялось из его прибыли, которой после резкого сокращения финансирования крайне не хватало. И вот с этого момента началось мое обретение нового Полюса. Дело в том, что на не вполне прозрачной волне бурных преобразований тогдашней жизни страны очень отчетливо стала проявляться тенденция пересмотра всех решений советской власти, в том числе касающихся передачи культовых зданий различным организациям. Новая, формирующаяся на заявленных демократических принципах власть выступила за возвращение церкви всех принадлежавших ей прежде культовых зданий и сооружений. В принятом по этому поводу постановлении порядок передачи этих зданий в случае, если в них находятся учреждения культуры, оговаривался особо. Но на эту оговорку никто из перековавшихся внезапно из атеистов в верующие сильных мира сего внимания не обращал, и в 1993 году был издан приказ о передаче здания музея Арктики и Антарктики, в котором до 1929 года находилась единовременная церковь Николая Чудотворца, одноименному приходу. Для нас – фактически сотрудников музея – наступили лихие времена: помимо удушающей по своим размерам и неуклонно растущей арендной платы, мы стали подвергаться массированными атакам новооявленных единоверцев и... городской администрации в лице Комитета по управлению имуществом. При этом судьба уникального и единственного в своем роде российского музея, хранящего полярные реликвии, похоже, совсем не волновала городские власти. В период 1994–2003 гг. мы прошли через

три полных цикла арбитражного разбирательства, включая Высший арбитражный суд, который благодаря помощи представителей коммунистической фракции в Государственной думе принял решение о полном пересмотре дела. В итоге, мы (и, я уверен, все жители нашего города) вышли победителями и отвоевали право находиться в занимаемом музеем с момента его основания в 1937 году здании по крайней мере до тех пор, пока нам не будет предложена достойная его замена и обеспечена цивилизованная и без потерь передислокация экспозиции и научных фондов.

В этот же период, одновременно с борьбой за здание, мы совместно с полярным сообществом инициировали и продолжали деятельность по повышению статуса музея, приданию ему полной юридической самостоятельности и выделению его из состава института не потому, что нам было там плохо, а потому, что только такой шаг помог бы музею выстоять и продолжать свою деятельность на более высоком и достойном его уровне. В итоге в 1998 году вышло Постановление Правительства РФ о создании в Санкт-Петербурге на базе музея Арктики и Антарктики Российского государственного музея Арктики и Антарктики Росгидромета. По-видимому, в награду за мои усилия по сохранению музея руководство Росгидромета назначило меня его первым директором, чем я, безусловно, горжусь и продолжаю со всей музейной командой делать все для того, чтобы наш музей продолжал оставаться одним из самых любимых музеев в нашем городе. В 2003–2008 гг. были проведены работы по капитальной реставрации здания, замене всех окон, кровли, реставрации и окраске фасадов. На фронтоне музея появилась отливающая позолотой надпись «Музей Арктики и Антарктики», чтобы ни у кого не возникало сомнений в том, что именно находится в величавом белоколонном здании на углу улицы Марат и Кузнечного переулка. Сейчас в фондах музея завершается детальная сверка, постоянно обновляются выставки, приходят и увлеченно работают молодые специалисты. Музей живет полнокровной жизнью и принимает в отдельные дни более десяти школьных экскурсий. Нам есть чем гордиться, и мы встречаем свой юбилей с самым хорошим настроением.

А как же остальные Полюса? Вы про них забыли? Нам стало известно из проверенных источников, что иногда, и чаще всего в марте–апреле, на дверях Вашего кабинета появляется довольно необычная надпись для посетителей: «Извините, директор на Северном полюсе!» Что это значит?

Я не думаю, что подобная надпись на дверях кабинета директора музея Арктики и Антарктики столь уж необычна. Необычной выглядела бы, на мой взгляд, надпись типа «Ушел на базу», или «Временно не принимает», или «Директор уехал по обмену опытом в Сочи». Я имею в виду не столько содержание надписи, сколько регулярность ее появления. На самом деле отчего разик, а может, и два не съездить в Сочи? Но чтобы вот так регулярно, из года в год – такому можно найти оправдание, только если директор отсутствует по уважительной причине, а Полюс такой вполне является. Если серьезно, то действитель-

но этот четвертый Полюс никак не заменил и не заслонил ни первый, ни второй и даже ни третий – я был там (на Востоке) в последний раз в 2002 году. Чаще всего я бываю на Северном полюсе, и вот почему. Еще не будучи директором музея, я организовал и провел совместно с моим американским «братом» Уиллом Стигером международную экспедицию от берегов Таймыра через Северный полюс в Канаду. Способ передвижения все тот же – лыжи и собачьи упряжки. Маршрут около 2000 километров, длительность экспедиции около 4-х месяцев. Это была, пожалуй, моя последняя, столь продолжительная экспедиция – просто все, что можно было пересечь, я пересек, возраст мой даже не по собачьей шкале зашкаливает для предприятий такого рода, да и времени нет. Но на смену небольшому числу больших экспедиций пришло большое число небольших. Начиная с 1997 года по 2006-й я провел свыше 20 лыжных экспедиций на Северный полюс. Эти экспедиции скорее походят на экстремальные лыжные туры и проводятся исключительно на коммерческой основе. Осуществление подобного проекта стало возможным с использованием технологий строительства временных баз и ледовых аэродромов на дрейфующем льду, разработанных и успешно применявшихся в высокоширотной Арктике в 60–80 годы прошлого века для проведения разного рода научных исследований. С прекращением их в те самые 1990-е возникла возможность своеобразной конверсии этих технологий, которая в конечном счете привела к разработке и внедрению международного проекта с несколько необычным, если иметь в виду весьма специфические условия, в которых он реализуется уже без малого 15 лет, названием «Барнео». Да, именно Барнео, через «а». Эта небольшая хитрость призвана усypить бдительность того или иного сомневающегося в правильности своего выбора туриста, и в то же время она дает нам полное право отклонять все возможные претензии и иски в случае, если условия реального «Барнео» не совпадут с его ожиданиями. На самом деле это название пришло вместе с упомянутыми технологиями, как позывной одной из прежних баз.

Современный Барнео – это комплекс, включающий ледовый аэродром и жилые модули, построенные из каркасных палаток, отапливаемых тепловыми пушками. Стандартные жилые модули площадью около 40 кв. м предназначены для вполне комфортного проживания одновременно 10 человек, два модуля кают-компаний каждый площадью 80 кв. м соединены через общий кухонный блок. Кроме того в состав лагеря входят отдельно стоящие модули с электрогенераторами и гаражом для снегохода и бани. В зависимости от необходимости лагерь может принимать одновременно до 100 человек. Ле-

«Извините, директор на Северном полюсе!»

довый аэродром – это взлетно-посадочная полоса, строящаяся с помощью тракторов и доводимая до возможного в этих условиях совершенства вручную. Параметры полосы в среднем вписываются в необходимые стандарты при длине свыше 1000 метров и ширине 60 метров. Рядом с полосой размещаются палатки летного состава и диспетчера полетов. Строительство полосы – это завершающий этап сложной транспортной операции, начинающейся с вылета вертолетов с о. Средний архипелага Северная Земля вдоль меридиана 95 градусов восточной долготы в точку в Северном Ледовитом океане в районе 86,5–87 градусов северной широты, где организуется временный лагерь для приема топлива, десантируемого с самолета Ил-76, базирующегося в Мурманске. После сброса топлива в количестве, достаточном для полной заправки двух вертолетов, самолет уходит в точку, близкую к Северному полюсу, где выбрасывает десант парашютистов и оставшееся топливо и затем возвращается в Мурманск. Вертолеты, придя в точку второго сброса, заправляются и вылетают на поиски ледового поля, подходящего для строительства аэродрома. Когда подходящее поле найдено, его координаты сообщаются в Мурманск и самолет Ил-76 совершает второе десантирование генерального груза – трактора и топлива. Начинается строительство взлетно-посадочной полосы, продолжающееся в зависимости от условий от двух до пяти дней. Когда полоса готова к приему самолетов, из Лонгиира (Шпицберген) техническим рейсом вылетает самолет Ан-74, на борту которого находятся представители Росавиации, осуществляющие приемку полосы, часть снаряжения и оборудования для строительства лагеря и часть личного состава будущего лагеря Барнео. Следующих два рейса загружены всем оставшимся оборудованием. Как только лагерь готов, начинаются пассажирские рейсы с туристами и научными работниками. Про-

должительность сезона на Барнео, как правило, не превышает трех недель. За это время лагерь посещает в среднем 200–250 человек. Во время сезона на Барнео реализуется множество разнообразных по продолжительности лыжных программ, участники которых проходят на лыжах дистанции от 200 километров до 5 километров с неизменным финишем на Северном полюсе. Доставку участников в точку старта, эвакуацию их с полюса, равно как и обеспечение их страховки на маршруте, осуществляется двумя вертолетами Ми-8, находящимися на Барнео в режиме постоянного дежурства. Помимо лыжных успешно реализуются программы посещения полюса на вертолетах, прыжки с парашютами и погружения с аквалангами в точку, близкую к полюсу. В течение всего сезона на Барнео работают группы российских и зарубежных ученых, занимающихся исследованиями океана и морских льдов. После того как в 2006 году я отвел последнюю большую группу на полюс, я в основном занимаюсь организацией и координацией всей экспедиционной деятельности Барнео и лишь изредка вожу короткие экспедиции на полюс, просто чтобы не отвыкнуть от него и еще раз (в который уже) постоять, пусть очень короткое время, в точке, где коварный GPS в течение буквально нескольких секунд показывает заветные 90 градусов северной широты и быстро и причудливым образом меняющиеся цифры указывающие долготу, которой, равно как и понятия времени, в этой точке нет.

В последнее время много и часто говорится об Арктике, о необходимости возврата Россией былых позиций мирового лидера в арктических исследованиях, о новых подходах в формировании государственной политики России в Арктике. Как Вы относитесь к этому?

Новое – это, как правило, забытое старое. Действительно коренной перелом в негативную сторону, выразившийся фактически в сдаче всех многолетних достижений России в Арктике, начался во времена перестройки и усугубился в 1990-е годы. Прежде всего это было связано с отказом от государственной поддержки обеспечения инфраструктуры, сложившейся за десятилетия деятельности Северного морского пути, ликвидации полярной авиации и фактическим уходом организаций министерства обороны из Арктики. Результат оказался трагическим – фактически прекратилась деятельность аэропортов вдоль всего арктического побережья, начался массовый отток населения, лишившегося работы, иногда это происходило в режиме экстренной эвакуации, практически прекратилась деятельность Северного морского пути. В 2009 году мне пришлось участвовать в международной экспедиции «По следам Норденшельда», когда мы на небольшой яхте прошли всю трассу Северного морского пути от Мурманска до Анадыря. Состояние некогда оживленных портов, таких как Диксон, Тикси, в меньшей степени Певек, удручало. Дома в поселках, в которых в прежние годы была очередь на жилье, стоят пустыми, с выбитыми окнами, стрелы портовых кранов уныло повесили носы, и настроение у небольшого числа оставшихся жителей чемоданное. Правда, меня приятно удивили чукотские поселки Рыркарпий, Ван-

карем, не говоря уже о столице – Анадыре. Там все прекрасно и достойно подражания.

Но, похоже, сдвиги все-таки появились – возобновили работу восстановленные полярные станции, в последние два года наметился значительный рост перевозок по трассе Севморпути, впервые в его истории осуществлены проводки крупнотоннажных, дедвейтом свыше 200 тыс. т, танкеров, начата реализация государственной программы по очистке островов архипелагов Новая Земля, ЗФИ, острова Врангеля от промышленного мусора. Создана и начала работать администрация Национального парка «Русская Арктика». На этом фоне наша деятельность по организации ежегодных программ в лагере Барнео выглядит более чем уместно. Я вообще считаю, что экологический полярный туризм при условии его профессиональной организации может стать одним из главных факторов нашего возвращения в Арктику, а наш музей и его уникальные экспозиции помогут в формировании правильных взглядов на историю арктических исследований и будут так или иначе способствовать воспитанию нового поколения полярных исследователей, которым и предстоит реализовывать на практике программы дальнейшего освоения Арктики и Антарктики.

В заключение приведу строки одного из своих стихотворений, которое я посвятил полярникам. Оно так и называется «Про нас»:

Тем, кто ни разу океану
Не доверял своей судьбы,
Всегда казалось очень странным
То, что тянуло нас во льды.
Но нас манили между прочим
Таинственность полярной ночи,
Сиянья сочная сирень
И яростный полярный день!
Бог мой, где только ни встречались,
Как только судьбы ни вели
В тумане наши корабли!
Какие льдины нас качали!
Нам ли, дожившим до седин,
Забывать тепло полярных льдин...

<...>

Но доживем мы до поры,
И не сочтите это бредом,
Не разноцветные шары –
Аэрозонды взмоют в небо,
Проснутся вещи РП,
И в дрейф отправятся СП,
И оживут аэродромы.
У нас опять все будет дома!
Расправив крылья над Смоленкой,
После зимовок институт
Вновь обретет былой уют
И станет центром всей Вселенной,
Для нас, хранивших до седин
В душе тепло холодных льдин!

*Беседовала М.В. Дукальская (РГМАА)
Фото из архива В.И. Боярского*